

ИЗ-ПОД ПАРАНДЖИ ЗВУЧИТ ГОЛОС СВОБОДЫ И ЛЮБВИ

Н.Ю. ИЛЬИНА

Кандидат филологических наук
Российский университет дружбы народов

Н.А. КСЕНОФОНТОВА

Кандидат исторических наук
Институт Африки РАН

РОМАНЫ СОВРЕМЕННОЙ
СЕВЕРОАФРИКАНСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
НЕДЖМЫ

Ключевые слова: Неджма, гендерные отношения, традиции и обычаи народов Северной Африки, эмансипация

Однако жизнь рядовых африканок не та, что у тех, кто сумел получить образование, обосноваться в элитарных городских кварталах или вписаться в художественно-интеллектуальную среду Европы и США.

Но и в далеких африканских деревнях и маленьких городах зревают ростки новых тенденций, и женщины пытаются вырваться из сетей традиционных норм и установок. Скованные по рукам и ногам вековыми условностями, диктующими представителям обоих полов строгие правила поведения как в рамках семьи, так и деревенской общины, они ухитряются найти чисто женские средства, чтобы хоть как-то изменить свой мир и свою судьбу.

Одним из таких чисто женских средств была и остается их стратегия поведения в сфере личностных, интимных отношений между мужчинами и женщинами. Эта тема - очень существенна в понимании внутренних механизмов функционирования африканских обществ.

Об этом с полной определенностью и красноречивостью повествует в своих романах современная североафриканская писательница, ставшая очень популярной не только в Африке, но и в Европе и даже в России, публикующая свои произведения под псевдонимом Неджма. Рецензенты называют ее арабским литератором, из контекста романов следует, что она - берберка.

Неджма приоткрывает перед читателем дверь в женскую половину закрытого для посторонних мусульманского мира, опровергая устоявшееся мнение, что любовь в арабских странах - прерогатива мужчин, а женщина не

Отголоски «сексуальной революции», начавшейся в 60-х гг. прошлого века в США и в Европе, расходясь, подобно кругам на воде, по всему миру, доходят и до самых отдаленных уголков стран Востока и Африки.

Взаимоотношения полов с каждым десятилетием приобретают там острый и многозначимый характер, определяя и отражая борьбу традиций и современных процессов. Арабские и африканские женщины нашей эпохи вслед за своими европейскими и американскими сестрами пытаются обрести свое лицо (часто и в буквальном смысле, - снимая паранджу и хиджаб как вызов закрепостившему их обществу) и заявить о себе на общественном поле. Некоторым из них это удается: они становятся крупными общественными деятелями и политиками (членами конгрессов, правительств, премьер-министрами, президентами стран), известными писательницами и артистками, учеными, борцами за чистую экологию и за мир, становятся лауреатами самых престижных международных премий. Они уже - неотъемлемая часть новой элиты обществ Африканского континента.

имеет права на интимные чувства и должна быть лишь объектом желаний своих мужей, безропотно и пассивно выполнять все их прихоти.

Не случайно фигура автора покрыта завесой тайны. Она не дает интервью и не показывается на людях. В предисловиях к ее романам «Миндаль» и «Ваниль» говорится, что «ортодоксы призывают сжечь писательницу и ее книги».

Имя Неджма (по-арабски - Звезда) - знаковое для современной арабской литературы и поэзии. Истоки ее, по-видимому, связаны с образом новой мусульманской женщины, созданным в середине 50-х гг. прошлого века выдающимся алжирским писателем Катемом Ясином (1929-1989) в романе «Неджма», который ассоциировался не только с движе-

нием нации к освободительной борьбе, но и со стремлением к свободе в широком понимании этого слова¹.

И в романах писательницы Неджмы, пишущей на французском языке, звучит тот же призыв - к освобождению женщины от ига условностей в семье и обществе, лишаящего ее права распоряжаться и наслаждаться своим телом и своей душой. Острота и раскованность сюжетов и литературных приемов Неджмы заключается в том, что она пишет о том, о чем в ее обществе требуют молчать.

Неджма поет о чувственной любви. С ее помощью мы не просто заглядываем в женскую, наглухо закрытую для посторонних половину мусульманского дома, но видим обнаженные тайны чужой спальни².

Это свидетельствует о том, что свобода в выражении самых интимных чувств и откровенность в описании эротических сцен свойственна не только литературным произведениям представителей европейской или американской культур, но и писателям, принадлежащим к другим культурам, и в частности к мусульманской, что, на первый взгляд, представляется совершенно немыслимым.

Однако если присмотреться внимательнее, можно увидеть, что для женщин, скованных жесткими и узкими рамками мусульманского права, морали, всяческих регламентаций (от скрывающей лицо и тело одежды до ограничений в территориальном передвижении), очень мало возможностей проявить свою самость. И, может быть, сфера интимных переживаний и формы их проявлений дают женщинам единственную возможность осуществить свою значимость, а иногда и власть над мужчинами, проявить свое творческое воображение и дать волю страстям.

«МИНДАЛЬ» - ВКУС ГОРЕЧИ

Героиня романа «Миндаль»³ - Бадра выступает в качестве рассказчицы, вспоминая все этапы своей пятидесятилетней жизни, начиная с раннего детства. До определенного момента ее судьба переплетается с судьбами ее матери, сестры, теток, подруг, да и вообще всего женского населения ее деревни. И благодаря этому создается объемная картина жизни мусульманки в глубинке одной из североафриканских стран.

Бадра жила в берберской деревне Имчук, и в семнадцать лет ее выдали замуж за местного нотариуса, сорокалетнего Хмеда. Он решил жениться на молодой девушке, чтобы она родила ему сыновей, и тогда ему, реализовавшему свои мужские способности, можно было бы с гордо поднятой головой ходить на деревенские праздники.

Чтобы оценить девушку как подходящую их клану невесту, мать Хмеда в местном хаммаме (в бане. - Н.К.) осмотрела и ощупала

ее тело с ног до головы. Зная обычаи своего народа, Бадра не смела сопротивляться. Вскоре в дом невесты явилась бабка жениха, чтобы понаблюдать за тем, как она хлопочет по дому и оценить ее как хозяйку.

Конечно, Бадра мечтала о другом «принце», помоложе. Однако неминуемое замужество давало Бадре кое-какие привилегии. По хозяйству вместо нее работала молодая крестьянка, поскольку невеста не должна была портить руки. Бадра в это время жила как госпожа: ела самую вкусную еду, ей доставался лучший кусок мяса. Перед тем как лечь в брачную постель, она должна была приобрести необходимую полноту. Бадру заперли в темной комнате, чтобы кожа ее стала белой и получила одобрение женщин клана. Ведь «светлая кожа - это привилегия богатых». Чтобы избежать сглаза, Бадре запретили общение с внешним миром. «Я была королевой и рабой одновременно», - вспоминает девушка этот предсвадебный период (р. 33)*. В день свадьбы рано утром в доме невесты появилась одна из женщин клана, чтобы подвергнуть ее еще одной, самой унижительной процедуре - проверить, девственница ли она. Таковы традиции в берберской деревне.

Бадра не любила Хмеда и, не получая чувственного наслаждения, стала ненавидеть мужа. Она не может родить наследника, а именно этого ждут от нее все родственники.

В результате, после переживаний и унижений женщина возненавидела и свое тело, перестала мыться, пользоваться парфюмерией. Она работала по дому с рассвета до заката, готовила еду. Недовольный муж перестал общаться с Бадрой, его сестры не упускали возможности отпустить в адрес молодой женщины отвратительные оскорбления. Когда в очередной раз она пришла за утешением в родительский дом, мать сказала ей: «Твое место больше не со мной. У тебя есть дом и муж. Смирись со своей судьбой, как и все мы» (р. 43).

Только любящая сестра Наи-

ма понимала, что с ней что-то не так и что сестру надо спасать. Да и сама героиня романа уже больше не могла выносить своей униженной, безрадостной жизни. И Наима помогает Бадре бежать из деревни в Танжер, где жила ее тетя, тайком передавая билет на поезд. Тетушка встретила племянницу радушно, а в дальнейшем приняла самое активное участие в ее судьбе, во всем ее поддерживая, став ей подругой.

Бадра хотела навсегда вычеркнуть из памяти все, что было связано с замужеством и с деревенской жизнью. В Танжере тетушка часто посещала дома состоятельных горожан и брала с собой племянницу, втайне надеясь выдать ее замуж за богатого человека. Так Бадра знакомится с Дриссом, «светским львом», который перевернул ее жизнь, ее мироощущение и способствовал ее душевному и телесному освобождению от социального и сексуального угнетения.

Неджма глубоко и серьезно подходит к проблеме интимных отношений, говорит о них откровенно, с излишним натурализмом, что свидетельствует о рвущемся наружу стремлении к освобождению от старых, архаичных, социальных табу.

После первой встречи с Дриссом к ней пришла настоящая, большая любовь. Она почувствовала себя обновленной: «Мир вдруг сразу стал нежностью. Мир стал поцелуем. И я была лишь плавающим цветком лотоса» (р. 105). И это всепоглощающее чувство привело героиню к осознанию не только своего «я», но и совершенно иных отношений между мужчиной и женщиной. Для Бадры наслаждение возможно лишь в истинной любви. В ее понимании любовь предполагает взаимоуважение, взаимопонимание и бесконечную преданность любимому. Она была уверена, что у них с Дриссом взаимное чувство. Но его вполне устраивали свободные отношения.

Богатый и преуспевающий доктор проводил свободное время на светских вечеринках в высшем обществе. Многие юные жительницы из дорогих особняков Танжера и их мамы видели в нем выгодную партию и старались привлечь его внимание.

* Здесь и далее перевод с англ. Ильяной Н.Ю. по: *Nejma. The Almond. L., Black Swan, 2006.*

Дрисс содержал Бадру, давал ей деньги, хотел, чтобы она пошла на курсы стенографии, занималась французским и читала. Девушка перестала носить чадру и заменила ее платьями, которые он ей дарил, стала надевать туфли-лодочки, шали, дорогие украшения. Дрисс даже устроил ее на работу в автокомпанию, чтобы она зарабатывала свои деньги. Это был уже новый тип отношений между мужчиной и женщиной, невозможный в условиях традиционной мусульманской деревни.

Эти отношения длились десять лет, но брак так и не был заключен. Дрисс не объяснялся в любви Бадре, он лишь продолжал «желать женщину». Одно из главных правил для марокканца, как и для любого североафриканца, - не привязываться к своим сексуальным объектам.

Дрисс всячески демонстрирует Бадре, что она не равна ему. Он бросает ей в лицо оскорбительные слова, унижающие ее достоинство: «Ты ужасно надоедаешь этими своими большими словами о любви и своим трагическим лицом. Ты начинаешь меня утомлять этим своим “я тебя люблю” и “я тебя ненавижу” и “однажды я тебя брошу”» (р. 188-189).

Бадра начинает понимать, что Дрисс ее совсем не уважает, и она с горечью кричит ему: «Я не твоя вещь и не твоя прислуга. Не для того я бежала из Имчука, чтобы ты ни во что меня не ставил» (р. 175).

Разрыв был неизбежен, и он случился. Бадра порвала с Дриссом. Она «больше не пахла королевским навозом и носила наряды от Ив Сэн-Лорана», жила в одной из подаренных ей бывшим возлюбленным квартир. Она избавилась от комплексов, вызванных долго подавляемыми желаниями, освободилась от гнета воспоминаний о жизни в деревне, обрела психологическое и физиологическое равновесие. После расставания с Дриссом, с «ампутированным сердцем», Бадра жила свободно, имела любовников, благодаря которым объездила мир и повидала много стран (р. 208-213).

Через 14 лет ее нашел Дрисс; он был смертельно болен и просил бывшую возлюбленную за-

брать его к себе, но она ему отказала.

Таким образом, роман «Миндаль» представляет героиню, которую можно назвать эмансипированной женщиной. Она как бы сбросила чадру с женской души и тела, сделала попытку разрушить стереотипы, мешающие жить мусульманкам в современном мире и распоряжаться своей судьбой. Автор создает особый образ мусульманки - женщины независимой, олицетворяющей освобождение от средневековых норм и предписаний. Недаром кредо самой Неджмы и созданного ею персонажа - Бадры: «Любить и жить без оглядки. Любить и никогда не опускать взгляда» (р. 215).

Героиня «Миндаля» вырывается из душной атмосферы деревенского быта и архаичных семейно-брачных и общественных отношений, освещенных вековыми исламскими традициями, и находит себя, обретая подлинное «я» как независимая и самодостаточная личность в иной социальной среде - городской, где активно пробиваются ростки европейской современной цивилизации с иными морально-нравственными ценностями. Но и путь Бадры оказывается тупиковым.

«ВАНИЛЬ» - СЛАДКИЙ АРОМАТ

В другом романе Неджмы - «Ваниль»⁴ мы становимся свидетелями того, как женщине удастся раскрепостить свою душу и тело, живя непосредственно в сугубо традиционном обществе, успешно мимикрируя в нем и своим поведением, взглядами, жизненной философией «разъедая» его изнутри.

В новом романе Неджма развивает темы и идеи, впервые озвученные ею в книге «Миндаль», где на протяжении всего повествования мы ощущаем преобладающий вкус горечи, характерный для этого растения. В «Ванили» же описываемая писательницей лавина чувств женщины подобна острому и сладкому аромату, свойственному этой пряности. Как отмечается в аннотации к книге, «она говорит о том, о чем все предпочитают молчать, она не делает тайны из своей чувствен-

ности, она пишет бесконечную восторженную оду любви, от которой плавится сердце и содрогается тело, она заявляет о праве женщины любить и быть любимой, о желаниях тела, о том, что в постели нет ничего грязного, пошлого, порочного».

Главная героиня романа, подобно самой писательнице скрывающая свое лицо под вымышленным именем Зобида Аит Лемсен, выступает здесь в качестве наставницы молодой девушки Лейлы, готовящейся вступить в брак и не знающей ничего об отношениях полов. Зобида, как старшая и более опытная в делах любви, твердой рукой ведет подопечную к вершинам постижения своей телесности и чувственных наслаждений.

Во вступлении к запискам, которые с ее слов ведет учитель Али - ее интимный друг, она говорит: «в этой жизни одним дано учиться хорошим манерам, другим - воспитывать дух и укреплять веру. Бог сделал меня склонной к удовольствиям. <...> У меня осталась одна возможность совершить перед смертью хорошее дело: посвятить какую-нибудь девушку в тайны любви. В строжайшей тайне, конечно. Эта страна решила запретить секс и прикрыться ложной добродетелью. Если удастся установить, кто я, меня повесят» (с. 5).

Зобида обосновывает и оправдывает ту жизненную стезю и миссию, которую она выбрала, несколькими факторами: тяжелой жизнью в браке со старым и нелюбимым мужем, приобретенным горьким опытом, статусом вдовы, который дает женщине право на более высокое и почетное место на социальной лестнице, и тем, что она, будучи из иного племени, поселившись среди арабов, как иноземка, могла не следовать всем предписаниям общества, в котором теперь жила.

Повествуя о своем жалком существовании в молодые годы, а иначе это и назвать нельзя, Зобида вспоминает: «Садек (ее муж. - Н.К.) всегда давал мне понять, что я ни на что не годюсь. Мой отец и братья тоже <...> Но я пыталась понять. Заставляла работать рассудок, пока кровоточила моя кожа. Я была необразованной затворницей, но в моей маленькой

голове пыталась докопаться до причин, которые стоили мне этих плетей и слов» (с. 13).

После смерти мужа Зобида обрела некоторую свободу, смогла покинуть родные места и обосновалась на другом конце страны, где ее никто не знал. Она так рассказывает о себе: «Несмотря на мое неудачное происхождение из берберов, я заработала себе хорошую репутацию. Меня называют доброй, любезной и немного чародейкой» (с. 18).

Свою любвеобильность главная героиня романа объясняет не только жадой запретных и осуждаемых наслаждений, но и неким протестным чувством. Она говорит: «Что-то нашептало мне, что моя тяга к мужчинам рождалась из смутного желания взять реванш... Этот вопрос чуть не лишил меня чувства радостного возбуждения...» (с. 109).

С помощью лицемерия и лжи Зобиде удалось успешно мимикрировать в обществе, к которому она в глубине души относится с иронией и даже с сарказмом: «Статус вдовы приносил мне уважение, которое называют Добротельным. Как будто пояс целомудрия автоматически дает корону святого! <...> Через несколько месяцев мне позволили выполнять обязанности кади (шариатского судьи. - Н.К.). Я давала советы матерям... грозно клеймила девушек и юношей... бежала на зов отцов, которые требовали моего мнения в отношении браков, иногда - финансовых тяжб. <...> Я руководила их браками и разводила» (с. 19).

Показывая двойную жизнь своей героини, Неджда вскрывает тем самым подлинную суть описываемого ею общества с его двойными стандартами. Особенно достаётся представителям мужской части населения, которые, по словам Зобиды, видят в женщине лишь вещь; ее можно использовать, а затем - избить, покалечить и даже убить.

Женщина никогда, с самого рождения, «не слышала похвал своей внешности... Она только знала, как и все девственницы Зебиба, что мужчины живут на другой планете», и если им вовремя не удастся выйти замуж, то «придется навечно похоронить себя в тени отцовских усов» (с. 26).

Но вступив во взрослую жизнь, мусульманка не получает ожидаемых любви, счастья и свободы, а подвергается лишь унижению. Неджда повествует на страницах романа, как странствующие Зобида и Лейла, сбившись с пути, попадают в странную деревню, населенную одними молчаливыми, мрачными, неразговорчивыми женщинами. «Что-то в этих женщинах выдавало одновременно отвагу и боязнь, злобу и отчаяние» (с. 135).

Одна из них по секрету рассказывает героиням: «Недалеко отсюда жило племя Чистых, для которых все женщины были шлюхами, и к ним нужно было относиться соответственно. Их шейх произнес фетву, приказав запереть женщин в особом лагере, далеко от деревни, чтобы не подвергать риску спасение верующих в этом и ином мире. Раз в месяц мужчины поднимались, чтобы соединиться с женщинами, и спускались назад. Девочки, рождавшиеся от таких союзов, оставались в лагере, чтобы позже отдать свою девственность Чистым. <...> Избавившись от семени, мужчины платили женщинам за плевры, которые они только что разорвали, что позволяло последним выжить до следующего месяца» (с. 139-140).

Унижение - удел женщины в мусульманском обществе. Таков смысл этой притчи.

Героиня романа не хочет, чтобы девушки повторяли печальную судьбу ее и многих других арабских женщин, и поэтому ставит в качестве главной цели своей жизни научить их любить свое тело и познать тайны чувственности, вопреки всем общественным и религиозным законам и нормам.

Родители Лейлы доверяют Зобиде свою дочь, и они вдвоем отправляются на поиски колдуньи, которая якобы «закрывает» девушку, и теперь она не может потерять свою девственность. Женщины проходят всю страну вдоль и поперек. За это время Зобида посвящает молодую подопечную в тайны соматических ощущений. Она, уча ее раскованности и естественности чувств и телесных движений, внушает ей, что женское тело - это часть Природы. По словам Бадры, «...говорить с природой - это право каждого. <...> Я

наблюдала за Лейлой. Она осматривалась вокруг, как настороженное животное. <...> - Этим вечером мы пересчитаем все звезды, но пока ты должна воспользоваться случаем и побродить свободно, как ягненок. Иди! Здесь, передо мной. Ходи свободно. Брось узел и покажи мне, как ты умеешь бегать!

Сначала она двигалась неловко, как овечка, затем сделала несколько шагов и побежала быстрее. Девушка уронила чадру на колосья. Я увидела, как она быстро взбирается на маленький холм на западе, поворачивается вокруг себя, подняв лицо к небу, которое было совсем недалеко, спускается с другой стороны, утопает в траве и бежит, бежит. Ее тело было само движение, ребенок в ней радовался каждому шагу, прыжку, погружению. Казалось, она счастлива» (с. 56-57). «И я видела в этом полном вопроса взгляде рождение чего-то неизведанного, возможность нового бытия» (с. 164).

Уроки Зобиды пробудили самосознание Лейлы, дали ей почувствовать, что она свободная личность, не зависящая от мужской воли. Познав истинную любовь с молодым поэтом Амиром и заключив с ним тайный брак при содействии Зобиды, девушка уже не могла вернуться прежней в отцовскую семью и к нелюбимому жениху. Порвав родственные связи и покрыв свою семью бесчестьем и позором, «Лейла убежала на юг. Слишком сильно влюбившаяся и отныне свободная» (с. 268).

И действительно, во многих традиционных обществах мусульманских стран Африки и Востока подобные поступки женщин и сегодня воспринимаются с безусловным осуждением. Но случаются они все чаще и чаще, вливаясь в общий мировой поток движения женщин, ищущих свое «я» и свой самостоятельный жизненный путь.

¹ Прожогина С.В. Магрибский франкоязычный роман. Алжир, Марокко, Тунис // История романов форм в литературах Африки. М., 2010, с. 45.

² <http://ripol.livejournal.com/91385.html>

³ *Nejma*. The Almond. L., Black Swan, 2006.

⁴ Неджда. Ваниль. Пер. с фр. Гарибашвили Д.И. М., РИПОЛклассик, 2010.